

Индийские миссионеры

В «Моск[овских] вед[омостях]» автор писем «Из пещер и дебрей Индостана» рисует положение английских миссионеров в Индии весьма непривлекательными красками:

Миссионерам разных сект, имя коим здесь легион, не дозволяется вход в коллегии. Они вращаются в самых подонках общества, между париями¹ и не допускаемыми в браманские секты мангами². В постоянной борьбе и ссорах между собою они, дабы насолить друг другу, буквально покупают обращенных: парии и манги, которые все или чертопоклонники, или безо всякой религии, обратятся за деньги, а часто и из-за куска хлеба во что угодно. Можно наверное сказать, что нет ни одного обращенного в христианство индуса, который бы не был вором, мошенником, горьким пьяницей, а подчас и убийцей. Миссионерство в Индии – величайшая профанация христианства. Ни одно европейское семейство ни за какие блага не наймет в услужение обращенных. Миссионеры открывают свои собственные школы, но эти школы, как и результаты оных, – один только фарс. Падкие на даровое учение, индусы посылают к падри³ своих детей только от пяти до семи, много до восьмилетнего возраста; после этого едва выучившихся читать детей обыкновенно женят или выдают замуж; раз вступивших в брачное состояние юных супругов, конечно, трудно заманить назад в школы. Надежды на добровольное обращение разлетаются в прах.

Публикуется по: Одесский вестник, 1880, №154, 9 июля (раздел «Разные новости»).

Данная заметка является перепечаткой фрагмента из книги Е.П.Блаватской «Из пещер и дебрей Индостана» (Московские ведомости, 1880, №179, 30 июня).

¹ Пария, парии (от тамильского парайян) – одна из неприкасаемых каст в Индии. В европейских языках слово «пария» приобрело значение «отверженный», «бесправный».

² «Печальною, безмолвною вереницей, то короткою, то длинною, смотря по смертности в городе и окрестностях, тянутся индусы обоого пола. Они подходят к реке отдельными группами без плача, безо всяких обрядов. Вот двое принесли на плечах что-то длинное, тонкое, завернутое в красную тряпку. Раскачав его за ноги и за голову, носильщики хладнокровно кидают ношу в желто-грязные воды реки. При падении красная тряпка слетает в сторону и темно-зеленое лицо молодой женщины показывается на один лишь миг, чтобы тотчас же исчезнуть в мутных волнах. Далее другая группа. Старик и две молодые женщины; одна из них девочка лет десяти, низенькая, худая, далеко еще не развитая, рыдает с причитаньем: то *мать мертвого ребенка*, которого она тотчас же бросит в холодные воды грязной реки. <...> Между тем, коршуны, вороны и другие хищные птицы, целый день кружащиеся над рекой в ожидании добычи, собираются черною тучей над телами и долго задерживают их путь вниз по течению. Иногда такое обглоданное тело, зацепясь за прибрежный тростник или попав меж двух камней, беспомощно торчит из-под мелкой воды, пока, наконец, один из прибрежных *мангов*, несчастное безкастное существо, доля которого всю жизнь со дня рождения до последнего вздоха возиться за подобною *нечистой* работой, не придет вооруженный своим длинным шестом и, зацепив застрявший скелет между ребер, не выковырнет его из-под камней или тростника, чтобы снова толкнуть по течению – по дороге к синему океану...» (Блаватская Е.П. Из пещер и дебрей Индостана. М., 1883. С. 118–119).

³ «Так зовутся безразлично здесь все миссионеры, вероятно, от первых католических португальских миссионеров – *padre*» (Блаватская Е.П. Из пещер и дебрей Индостана. М., 1883. С. 43).